Лебедев Николай (реж.)

206 8.12.04

Кто сильнее – режиссер (Николай Лебедев, на фото слева) или артист (Александр Бухаров)? Узнаем после премьеры

Николай ЛЕБЕДЕВ:

Я со своими мечтами веду диалог

Когда он первый раз поступал во ВГИК, то, пройдя все письменные туры, тут же срезался на устном – у шестнадцатилетнего романтика-идеалиста подкосились ноги и язык к гортани прирос, когда он увидел «живого» Марлена Мартыновича Хуциева. Второй раз попытка получилась более удачной, уже в более старшем возрасте – но на сценарно-киноведческий. Но от судьбы не уйдешь – и сейчас фильмы Николая Лебедева смотрит вся страна. Потому что он снимает именно для зрителей, а не для фестивалей – но при этом совсем не старается им понравиться. Тем не менее его «Змеиный источник», а еще в большей мере «Звезда» собрали столько призов, сколько не снилось другим режиссерам за всю жизнь. Мы встретились с режиссером в разгаре работы над его новым проектом «Волкодав из рода Серых Псов».

– Николай, какой у вас сейчас распорядок дня?

– Сумасшедший. Только сегодня сложилась ситуация, когда из-за снегопада остановились съемки, и я на несколько часов вынырнул из круговорота дел. Но год назад началось – 15–17-часовой рабочий день, практически без выходных. Только на площадке мы работаем по 12 часов, а зачастую и больше. Но это нормальный ритм работы в кино, тем более таком сложном.

– Правда, что раньше вы носили Хичкока в кармане?

– Ну, не самого Хичкока, конечно же. А интервью, которое взял у него Франсуа Трюффо. Я обучался ремеслу – режиссерская профессия, помимо высоких слов о призвании, состоит из очень конкретных вещей – из длины плана, из того, что нужно акцентировать в сцене, из того, как работает звук, какой избран ракурс. И так далее. Это необходимо знать так же, как писателю уметь вовремя ставить точку или запятую. А он очень точно это все объяснял – каждый свой режиссерский ход. Почему он такое решение принял или такой ракурс выбрал. Это как учебник режиссуры. В том же смысле важны для меня картины Уэллса, Эйзенштейна, Феллини, Спилберга, Копполы. Так что у меня было много замечательных учителей.

– Почему жанр «фэнтези» сейчас в такой моде?

– Не знаю. А он разве в моде? То, что я взялся экранизировать книгу в жанре «фэнтези», для меня вовсе не показатель, что это модный жанр. Мне просто были интересны эти герои и эта история.

– Как тогда возникла идея «Волкодава»?

– Это смешная история. После «Звезды» я приступил к американскому проекту, который сейчас называется «The Iris Effect» – «Эффект ириса» – в российском прокате эта картина может носить другое название, например, «Изгнанник».

И вот я уезжал по делам в Питер и думал о том, что я буду делать дальше – уже после этой американской картины. Моя приятельница посоветовала прочесть «Волкодава» Семеновой – это ее любимая книжка.

И на вокзале я купил ее. Но в дороге прочесть успел буквально несколько страниц. Прихожу в офис к тогдашнему моему продюсеру, рядом с ним сидит какой-то молодой парень. А на столе вижу «Волкодава». Я усмехнулся: «Все читают Семенову!» Мой продюсер поворачивается к парню: вот если этот режиссер возьмется за эту книгу – получится что-то необыкновенное. Оказалось, что это сам издатель. И, видимо, пошел слух о том, что я заинтересовался этим материалом. И когда Рубен Дишдишян – глава компании «Централ Партнершип» – предложил мне экранизировать «Волкодава», я, не подумав, чем это грозило, согласился.

– А чем же это грозило?

– Как оказалось, очень сложной постановкой, очень серьезным затратным бюджетом, рукотворными костюмами и реквизитом, сложнейшими трюковыми сценами, работой в тяжелых погодных условиях – в общем, всем тем, чем отличается сложнопостановочное кино.

– Чем все-таки удивил роман?

– Двумя моментами. Первое – мне понравился герой, это положительный герой. Но не натужно, а искренне положительный. Человек нравственный, отличающий добро от зла. Мне понравилось, что это герой действующий, глубокий, со своей жизненной философией, с которой, кстати, я во многом согласен.

Еще мне понравилось, что это книга-приключение – жанр adventure, что у нас в России как-то утратился с годами. Наверное, потому, что снимать такое кино дорого. Сейчас появилась надежда, что жанр эпический, масштабный, сказочный возрождается на нашем экране.

– Насколько это дорогое удовольствие для вас?

– Бюджет фильма солидный. Окончательно еще не выровнялся, растет за счет компьютерной графики – но не менее восьми миллионов долларов. Все, что вы увидите на экране – и реквизит, и декорации, и костюмы – делалось специально для картины. А ручная работа стоит очень дорого. Кино вообще очень трудоемкое дело.

– Особенно военное, как «Звезда»?

– Да. Но «Волкодав» тоже в определенном смысле военное кино. Просто герой и война другого порядка. Когда мы снимали «Звезду», все-таки нам помогало руководство Таманской дивизии. Словом, профессиональные военные во многих эпизодах изображали самих себя. Здесь же – лошади, бои на мечах... К этому можно привлекать только суперпрофессионалов-каскадеров, которые у нас и работают под руководством Густава Куселицы. Это словацкий каскадер; постановщик трюков, человек с огромным опытом, великолепно владеющий профессией.

Каждый эпизод, с которым мы сталкиваемся, – некий challenge, то есть вызов, как говорит наш оператор-американец Ирек Хартович. Даже если это просто караван, который идет по горной дороге. Это дикая проблема постановочного характера, потому что горная дорога, как правило, одноколейная. И чтобы добраться до нее, съемочной группе требуется несколько часов. А караван состоит из телег с тяжелыми колесами. Их нужно для каждого дубля вручную откатывать на исходную. Лошади падают от усталости. Горы – это дождь, ветер. Мы снимали в Словакии всю натурную часть картины – сложнейшие съемки.

ФОТО ЛАРИСЫ КАМЫШЕВОЙ

Прекрасная Елень (Оксана Акиньшина) со своим отцом – Кнесом (Леонид Кулагин) и послом жениха Дунгорном (Юозас Будрайтис)

– Насколько сценарий отличается от книги?

– Сильно, потому что книга построена все-таки по законам литературы, а кино – иное искусство, визуальное.

– Как отнеслась Мария Семенова к вашему творчеству?

– Она не сразу приняла этот сценарий, правду сказать. Но в результате общения мы, по-моему, нашли общий язык и даже отчасти подружились. Мария Васильевна – очаровательная женщина, тонкий, умный, талантливый человек, мне очень интересно с ней... Изменения, которым подвергся исходный материал, абсолютно закономерны, они продиктованы драматургическими законами киноповествования, а не литературы. При этом первая часть цикла, которую мы и экранизируем, у Семеновой имеет открытый конец. А фильм должен заканчиваться хотя бы условной развязкой – иначе обалдевший зритель выйдет и спросит: «А что дальше?»

– Если режиссер ставит историческую картину, то изучает документы, архивы. Что изучали вы?

– Семенова – славянист, опиралась на национальную русскую культуру, мифологию. Она хорошо знает славянские обряды, дохристианскую Русь. Она ведь написала энциклопедию по истории, культуре и обрядам Древней Руси. И я пользовался этими материалами – как и другими. Правду сказать, поначалу мы пытались безоглядно фантазировать. И вдруг оказалось, что неограниченная фантазия, как ни странно, превращает историю в игрушку.

Она перестает быть живой. И тогда в строительстве декораций, в поведении героев и в их костюмах мы стали опираться на очень понятные нам вещи – на древнее зодчество, на древние обряды, традиции. Но это все не напрямую переходит на экран – это парафраз. Сочинение на тему. Самая большая сложность была – используя фактологический материал, не превратиться в раба факта. Чтобы зрелище не превратилось в фольклорный хоровод.

– А в чем там все-таки интрига?

– В двух словах, это история человека, чью жизнь сломали на взлете, человека, который, выйдя из рабства, вознамерился отомстить за свой погубленный род, убитых родителей. А в результате понимает, что месть – это не главное, что движет миром. Что сила тогда сила, когда за ней стоят добро и любовь. История про это.

– Граф Монте-Кристо, но по-русски?

– Не совсем. Но, наверное, можно найти разные параллели. В романе Семеновой, кстати, Волкодав появляется уже состоявшейся личностью. В нашей истории он проходит более долгий путь к пониманию того, что любовь и добро правят миром.

– На роль Волкодава вы пригласили актера практически не известного...

– Да, главную роль у нас играет актер, не известный кинозрителю, хотя в театре у него есть свое реноме – Александр Бухаров, артист театра Армена Джигарханяна.

По-моему, очень интересный и сильный актер. И очень хорошо подготовленный физически – он сам, практически без каскадеров, выполняет свои трюки – скачет на конях, неистово дерется на мечах. Вообще у нас практически все актеры выполняют трюки сами. А собралась замечательная компания – Игорь Петренко, Юозас Будрайтис, Резо Исадзе, Евгения Тодорашко, Татьяна Лютаева, Андрей Руденский, Артем Семакин, Анатолий Белый, Нина Усатова, Оксана Акиньшина...

– Как думаете, подростки заинтересуются отечественной историей, посмотрев ваш фильм?

– Возможно. Во всяком случае, я был бы рад, если бы это случилось. Но специально добиваться этого мы не пытаемся. Это как национальная идея – либо она есть в обществе, либо ее нет. По-моему, наша нынешняя национальная идея очень проста – возвращение собственного достоинства. Во всем. В производстве техники, машин, фильмов. Если «Волкодав» будет интересен аудитории не менее, чем западные аналоги, – это уже возвращение интереса к своей истории, к своим корням. Искусственно не надо об этом заботиться, надо просто честно и хорошо делать свое дело, и все.

– А вот «Ночной дозор» как в этом ракурсе смотрится?

– Я отношусь к этому фильму как к явлению для меня обнадеживающему – потому что зрители пошли в кино. Меня это очень радует. В картине я увидел много интересных режиссерских решений, но в целом он произвел на меня довольно сумбурное впечатление. Мне просто интересно другое кино – скажем так.

– Какое?

– Ну, не знаю. Но уж точно, что не «фэнтези». И не военное. Мне иногда очень интересно – почему я так резко сворачиваю на эти темы. Я никогда в детстве не бегал с деревянным автоматом, у меня никогда не было игрушек-мечей. Меня это не интересовало. Я всегда занимался кино – рисовал раскадровки и писал сценарии.

– Значит, детская мечта осуществилась?

– Да, это так. У меня такие странные отношения с моими подростковыми, детскими мечтами. Я все время с ними в диалоге – конфликте, споре... Как и каждый человек, наверное.

– Но тем не менее они у вас реализуются.

– Конечно. Я сделал то, что хотел. Окончил ВГИК, снимаю кино. Причем, если когда-то мне было важно просто снимать кино, то сейчас мне важно снимать кино, которое было бы интересно как можно большей аудитории, которое бы оставляло след в сердце. Это колоссальный труд. Каждый раз возникают новые цели, которые помогают мне двигаться дальше и жить.

– «Волкодав из рода Серых Псов»» станет вашим шестым фильмом, считая первую короткометражку... Почувствовали силу профессии?

– Скорее – ее сложность. Ты, конечно, обязан знать ремесло, но есть еще что-то, что не подвластно ремесленному овладению, что предсказать нельзя. В каждый новый сюжет необходимо влюбиться – настолько безоглядно, чтобы это потом полюбили зрители. И далеко не так просто найти историю, которая волновала бы тебя на протяжении нескольких лет. И найти в себе силу, чтобы впрыснуть в эту историю энергию, восторг, страсть. И именно поэтому, наверное, картины даже больших мастеров далеко не всегда так однозначно хороши. Мастерство мастерством, но есть еще что-то, что не поддается разумному управлению.

– А чего не хватает нашему кино?

– Сегодня – полноводья. Когда у нас выпускалось большое количество фильмов и когда существовал некий нравственно-художественный ценз, картины были разные, их авторы не всегда принимали друг друга. Скажем, Тарковский, как известно, ревновал к успеху Гайдая, – но какие это полноводье-полноцветье в итоге давало мощные плоды! Когда в хорошем смысле есть конкуренция картин, авторам хочется подняться выше, сделать лучше.

Я тоскую по тем временам, когда хороший фильм обеспечивал себя сам, когда авторы знали, что они не нахлебники государства, что они возвращают полученные деньги и могут рассчитывать на следующую постановку. А потом, в конце 80-х – начале 90-х, стало важно добыть деньги. Неважно где и как, неважно зачем. Сейчас, по счастью, уже мало просто получить средства на постановку и потратить – нужно еще сделать продукт, который бы заинтересовал зрителя. А я не знаю хороших фильмов, которые были бы сделаны на неадекватно малые деньги.

– Когда будет закончена картина?

– Впереди еще около полутора месяцев съемок – осталось четыре наиболее сложных эпизода фильма – пожар в замке, бой на святилище и так далее.

– Правда, что в «Волкодаве» снимается ваша внучка?

– О! Настя у нас сыграла маленькую роль неродившейся сестрички Волкодава. Она появилась в одном кадре, но была очень горда этим. Ей три года, но она выучила реплику и серьезно отнеслась к работе. А артистку, которая изображала маму Волкодава, стала называть «мама Маша».

Беседовала
Наталья БОБРОВА